

более богатым, чем это казалось полвека назад тому же Гейне-Гельдерну, пионеру в изучении этнической истории юго-востока азиатского материка и соседних стран южных морей.

Следует заметить, что ценность превосходной новой сводки П. И. Борисковского еще более увеличивается приложенной к ней таблицей хронологии каменного века Вьетнама, транскрипцией названий вьетнамских географических пунктов и районов и археологических памятников, а также имен вьетнамских исследователей. Эти приложения послужат руководящими указаниями для всех, кто так или иначе будет затрагивать проблемы вьетнамской археологии. К работе приложена также интересная статья С. А. Семенова о назначении каменных орудий из Вьетнама и список литературы; в последнем, кроме первой в нашей литературе статьи по археологии Вьетнама, написанной С. А. Семеновым, упомянуты также и две работы самого П. И. Борисковского, изданные в Ханое на вьетнамском языке — это признание его заслуг перед молодой вьетнамской археологической наукой.

В целом же нужно признать, что наша археологическая литература обогатилась новой ценной книгой, удачно сочетающей качества научного труда с популярной в лучшем смысле этого слова формой. Книга П. И. Борисковского станет настольной книгой для каждого, кого интересует прошлое народов Юго-Восточной Азии и всемирной археологии.

А. П. Окладников

НАРОДЫ АМЕРИКИ

James Van-Stone. The Changing Culture of the Snowdrift Chipewyan. «National Museum of Canada», Bulletin, № 209, Ottawa, 1965, стр. 133.

За последние 10—15 лет все большее число исследований этнографов США и Канады посвящается изучению изменений, происшедших в жизни и культуре американских индейцев под воздействием капитализма. Эти изменения в американской этнографической литературе именуются процессами аккультурации. В работах этноисториков они прослеживаются с наибольшей исторической глубиной, охватывая период с колониальной эпохи до наших дней. Такие исследования выгодно отличаются от монографических описаний отдельных племен и групп племен представителями исторической школы в американской этнографии, пытавшимися, как известно, реконструировать на основе лишь непосредственных этнографических наблюдений древний «аборигенный» образ жизни индейцев. Естественным следствием их подхода были статичность и презентизм в толковании наблюдаемых явлений. В этих монографиях игнорировался тот основной факт, что индейцы XIX—XX вв. были уже составной частью капиталистического общества. В них либо игнорировались, либо архаизировались современные черты и особенности в жизни индейцев, сложившиеся под воздействием капиталистических производственных отношений.

Рецензируемая книга американского ученого Дж. Ван-Стоуна принадлежит к первому типу исследований. Она является обобщением результатов стационарного изучения автором одной из общин атапаскского племени чипевайев, расселенного в районе бассейна р. Макензи к юго-востоку от Большого Невольничьего Озера на севере Канады. Работа Дж. Ван-Стоуна выполнена в соответствии с программой исследований изменений в быту индейцев звероловов-охотников канадской тайги, осуществляемой Торонтским университетом. В этом же плане изучали индейские общины племени невольников Дж. Хелм, Н. Лури, Дж. Хонигманн.

Их работы показали различную степень проникновения элементов капиталистической культуры в быт индейцев в зависимости от истории колонизации отдельных районов американского Севера. Одни индейские общины подверглись более глубоким влияниям развивающихся на их землях горной промышленности и коммерческого рыболовства. Другие, оказавшись в некоторой изоляции, продолжали вести ставшее уже традиционным промыслово-охотничье хозяйство, имея «меньший доступ, — по словам автора, — к образованию и другим аспектам городской культуры» (стр. XIII). Изучавшаяся Дж. Ван-Стоуном чипевайская деревня Сноудрифт на юго-восточном берегу Большого Невольничьего Озера характеризуется им как типичная община второго типа, т. е. как община, наиболее изолированная в бассейне р. Макензи — Большого Невольничьего Озера. Автор прожил в этой деревне 28 недель в 1960—1962 гг. и собрал интересные материалы о современной жизни индейцев и о сущности их общины.

Работа его состоит из восьми глав и заключения. Две первые главы посвящены географии района и истории расселения чипевайев. Приводимый автором материал говорит о движении этой группы атапасков с запада и сравнительно позднем (конце XVIII—XIX вв.) появлении их в районе к востоку от р. Макензи, характеризовавшемся в прежних этнографических описаниях как исконный район обитания чипевайев. Автор убедительно показывает рост зависимости расселения индейцев от локализации торго-

вых пунктов, скупавших меха. В частности, открытие такого пункта Компанией Гудзонова залива (К° Г. З.) на месте современного селения Сноудрифт в 1925 г. привлекло сюда из других районов различные охотничьи группы индейцев. В течение 35 лет они периодически посещали этот пункт для обмена мехов на нужные им товары. Оседлое же поселение индейцев возникло здесь лишь в 1950-х гг.

Из описания этого «самого изолированного» и «наименее подвергнувшегося влиянию белых» индейского селения мы видим, что в нем в 1960 г., кроме 26 индейских бревенчатых домов, в которых жили 150 человек, был (в центре селения) комплекс зданий К°Г. З., состоящий из магазина, склада, жилого дома и здания с электродвигателем. Вблизи этого комплекса была оборудована пристань для выгрузки барж и приема гидросамолетов. По берегу озера стояли несколько принадлежащих канадцу из Торонто домов для туристов и горно-разведывательных партий. Имелось также несколько правительственных зданий, используемых персоналом департаментов леса и рыболовства и конной канадской полиции во время их посещений деревни. В 1951 г. здесь было построено здание католической миссии, а в 1960 г. — школа, жилой дом для учителя и помещения для электродвигателя. В деревне есть склад-холодильник, содержащийся правительством якобы для нужд индейцев. Белое население деревни поддерживает постоянную связь по радио с центром района городом Иеллоунайф. Мы позволили себе эти подробности, чтобы ярче охарактеризовать обстановку в «изолированной» индейской деревне. Нельзя не согласиться с автором, что понятие изолированности индейских общин весьма относительное.

В третьей и четвертой главах автор подробно описывает материальные условия жизни индейцев Сноудрифта. Анализируя экономику индейской общины, Ван-Стоун показывает значение в ней охоты и рыболовства, носящих натуральный характер, годоварного промысла пушнины, работы по найму и нетрудовых доходов в бюджете индейской семьи. Как пишет автор, индейцы большую часть года посвящают промыслу пушиного зверя, не имеющему продовольственного значения. В период трапперства они питаются мясом, добытым охотой на карibu и лося, а также покупными продуктами. Рыба является наиболее устойчивым видом пищи. Индейцы подчеркивали, что кредит, выдаваемый им Компанией под пушнину, настолько мал, что не обеспечивает их питания даже на сезон промысла пушнины, поэтому охота на оленя и лося жизненно важна для них, неудачи в ней вызывали голодовки. Промысел пушнины, как утверждает автор, становится «непопулярным» среди индейцев. Слишком тяжелы его условия и слишком малы и неустойчивы доходы. Дж. Ван-Стоун убедительно показывает почти полную зависимость индейского хозяйства от покупных товаров (одежды, охотничьего снаряжения и т. д.), их все возрастающие потребности в этих товарах и чрезвычайно низкий уровень доходов. Например, моторная лодка стала необходимостью в индейском хозяйстве, но не все могут ее купить.

Из приводимых им данных очевидна полная зависимость индейцев от эксплуатирующей их К° Г. З. По словам Ван-Стоуна, индейцы хорошо сознают, что Компания платит им очень низкие цены за меха и продает им товары по очень дорогой цене, пользуясь тем, что в деревне только одна их лавка. В других селениях, где она не монопольна, цены на меха выше. Индейцы знают, что в городах к югу цены на меха высокие и хотели бы продавать свою пушнину там. Но канадское правительство установило пошлину на вывоз мехов из северо-восточных территорий в другие части Канады, и индейцы, желающие продавать свою пушнину в более южных городах страны, обязаны платить пошлину за каждую шкурку. Очевидно, что пошлины эти ограждают интересы не добывающих пушнину индейцев, а К° Г. З., облегчая ей грабеж звероловов. Примечательно, что приводя сведения о фактическом ограблении индейцев Компанией, автор говорит лишь от имени индейцев, не высказывая своего мнения.

В пятой главе подробно описываются обычаи и обряды индейцев, связанные с рождением и воспитанием детей, со становлением личности индейца в различные периоды его жизни. Освещение материала в этой главе выгодно отличается от работ этносихологов, пытающихся выявить в семейной жизни индейцев фрейдистский эдипов комплекс.

Большой интерес представляет материал шестой главы, посвященной характеристике социальной жизни индейской общины. В специальном разделе автор пытается определить ее родственную структуру. Прежде всего он обращает внимание на терминологию родства чипевайев. Отмечая отсутствие в ней различия между перекрестными и параллельными кузенами и относя ее поэтому к «эскимосскому» типу терминологии родства (к которой Дж. Р. Мёрдок, как известно, относит и современную систему родства в США), автор в то же время допускает, что чипевай некогда имели ирокезского типа терминологию и утратили ее вследствие аккультурации.

Автор принимает допущение Ф. Эггана и Е. С. Куртиса о существовании в прошлом у чипевайев патрилатерального перекрестно-кузенного брака в сочетании с матрилокальностью. Однако приводимые им термины родства чипевайев, при всей их фрагментарности, позволяют усомниться в правомерности этого допущения.

Как известно, так называемый патрилатеральный перекрестно-кузенный брак предполагает предпочтительный брак с дочерью сестры отца и запрет вступления в брак с

дочерью брата матери. При таком браке сестра отца и мать жены были бы одним лицом, что должно было бы найти отражение и в терминологии родства. Однако у чипевайев сестра отца и мать жены обозначаются разными терминами, а термин для тещи близок к термину бабка. Б то же время при предпочтительном браке на дочери брата матери (обозначаемом «матрилатеральным» перекрестно-кузенным браком) тесть и брат матери — одно лицо и обозначаются они одним термином в большинстве терминологий родства турано-ганованского типа. Характерно, что это нашло свое отражение и в терминологии родства чипевайев, у которых тесть и брат матери обозначаются одним термином. Наличие же в их терминологии родства одного термина, обозначающего сестру отца и жену брата матери (стр. 70), а также обозначение мужниной одним и тем же термином жены брата и сестры жены, а женщиной — мужа сестры и брата мужа, жены брата и сестры мужа, может служить указанием на существование у чипевайев в прошлом двухстороннего или симметричного перекрестно-кузенного брака, когда два рода, а позднее две семьи состояли во взаимнобрачных отношениях.

Материал этой главы убедительно рисует малую семью как основную экономическую единицу чипевайев Сноудрифта. Отец распоряжается заработком неженатых детей. После женитьбы брачная пара стремится выделиться как только постройт жилище. Вследствие эндогамности, все семьи селения родственны друг другу, на этом основании Ван-Стоун, следуя Мёрдоку, считает возможным охарактеризовать общину, как «дем». Но, как известно, Мёрдок определяет «дем» как промежуточную группу между индивидуальной семьей и общиной¹ и рассматривает его как этап развития от малой семьи к общине, которая со временем может превратиться и в род¹. Насколько Дж. Ван-Стоун принимает это понимание эволюции социальных форм, не совсем ясно.

Недостаточно четки и представления автора о прежнем социальном устройстве чипевайев. Он называет «аборигенной социальной структурой... доконтактные объединения отдельных семей или групп семей... основанные на лидерстве опытных охотников» (стр. 112). По-видимому, речь идет о большесемейных общинах чипевайев, аналогичных описанным Дж. Хелм у невольников. Однако отнесение Ван-Стоуном «начальных контактов», вместе с которыми начались и изменения в жизни и культуре индейцев, к концу XVIII в. (стр. 112), позволяет заключить, что «аборигенный», «доконтактный» период длился, по мнению автора, почти до конца XVIII в. Вряд ли с этим можно согласиться. Даже материалы самого автора по истории расселения чипевайев свидетельствуют о значительно более раннем их вовлечении в меховую торговлю и, следовательно, о значительно более раннем начале влияния этой торговли на их социально-экономический уклад. Ценным является в то же время вывод автора, что пушной промысел уже с конца XVIII в. вел к индивидуализации экономической деятельности индейцев и к росту значения личной инициативы, следствием чего был распад прежних большесемейных коллективов.

Данный автором анализ экономической жизни индейцев рисует Сноудрифт 1960-х годов как селение мелких производителей, сохранивших, однако, общинную собственность на уголья и обычай общинного распределения мяса убитого лося и оленя. Общинный характер носили также два их ежегодные празднества.

«Обычные же отношения взаимопомощи,—пишет Ван-Стоун,—которые можно ожидать в селении, состоящем из родственников друг другу людей, распались, уступив место отношениям купли-продажи... Многие,—пишет он далее,—стремятся выиграть за счет других и даже за счет ближайших родственников» (стр. 74). Яркие примеры этому дают сведения автора о товарном собаководстве в деревне, а также отмеченное им отсутствие какой-либо взаимопомощи даже между ближайшими родственниками, например при постройке домов. Товарно-денежные отношения в общине зашли настолько далеко, что, например, при постройке дома брат брату продает ненужные ему бревна. Все это говорит о глубоком проникновении в индейскую общину капиталистических отношений, которые породили и индивидуализм индейцев. Данные автора убедительно свидетельствуют против теорий об извечности индивидуализма северных охотников.

В главе седьмой приводятся сведения об организации школьного обучения индейцев, медицинской помощи, а также об алкоголизме и курении, индейском стереотипе.

Последнюю восьмую главу Дж. Ван-Стоун посвящает анализу своих наблюдений в области религиозных представлений жителей Сноудрифта. Он признает ограниченность сведений по этому вопросу и подчеркивает трудность сбора материалов. По его мнению, «религиозные представления этого народа никогда не были развитыми и в основном исчезли раньше, чем началось серьезное этнографическое изучение района» (стр. 104). В то же время автор пишет о множестве поверий, связанных с охотой, промыслом пушного зверя, рыболовством; об употреблении индейцами разного рода амулетов и соблюдении множества табу для обеспечения успеха в экономической деятельности. Все эти сведения несомненно говорят о существовании у индейцев промыслово-охотничьего культа, который не смогла вытеснить более чем вековая деятельность миссионеров. Хотя индейцы внешне и соблюдают христианские обряды и приспособили к

¹ G. Murdock, Social Structure, New York, 1949, стр. 57.

рождеству свой древний праздник, однако, как пишет автор, «религия не имеет важного значения в жизни индейцев». Характерно, что об этой же «безрелигиозности» писала и Дж. Хелм, изучавшая соседей чипевайев — племя «невольников»². Однако, как нам представляется, этот вывод исследователей справедлив лишь в отношении христианства, идеи которого действительно поверхностно воспринимаются индейцами и, как пишет Дж. Ван-Стоун, «по крайней мере некоторые индейцы считают католическую религию чуждой индейскому образу жизни» (стр. 108). Автор убедился в том, что индейцы не считают церковь составной частью их общинной жизни и справедливо оценивают ее как один из навязанных им извне институтов вместе с правительственными чиновниками, торговцами и др. (стр. 107—108).

Большой интерес представляет заключение автора, в котором он излагает некоторые соображения о путях развития индейского населения Канады и США. Дж. Ван-Стоун отмечает, что его наблюдения подтверждают общий вывод Е. Спайсера (в сборнике статей американских этнографов) о путях и перспективах развития индейцев Америки³, о сходстве процессов изменений (процессов аккультурации) в современных индейских общинах Канады и США. Вместе с тем он соглашается с исследователями (например, В. Джеймсом), отмечаящими, что эти процессы носят двойкий характер, что наряду с процессами аккультурации (когда элементы индейской культуры замещаются элементами современной евро-канадской культуры), в некоторых индейских общинах идет процесс «декультурации», т. е. утраты элементов аборигенной культуры, не возмещаемой элементами современной культуры. Именно процесс декультурации, по мнению автора, и характерен для чипевайев Сноудрифта. «Можно с уверенностью сказать, — пишет он, — что очень мало специфично чипевайского сохранилось в современной жизни Сноудрифта». Но утраченные элементы самобытной культуры не были возмещены их современными эквивалентами, особенно в экономической жизни. Автор считает, что, например, «переход к экономике, ориентированной на промысел пушнины, можно считать декультуративным, потому что трапезничество в какой-то степени заменило традиционную охоту как способ добывания средств к существованию, не обеспечив индейцев ни необходимым количеством пищи, ни доходом, на который можно было бы купить эту пищу. В то же время вовлечение индейцев во внешние экономические связи, способствуя отживанию традиционного натурального хозяйства, создавало все большую потребность в покупных товарах и зависимость от них; но эта потребность не всегда могла быть адекватно удовлетворена доходами от промысла пушнины» (стр. 111). Результатом всех этих изменений является низкий, по существу нищенский уровень жизни индейцев.

Сноудрифт, по мнению автора, типичная северная община, являющаяся частью канадского общества. Происходящие в ней процессы характерны для всех индейских групп Северной Канады, и общим их последствием является декультурация и исчезновение этнических различий между индейцами. Политика канадского правительства оценивается автором как политика насильственной ассимиляции.

Дж. Ван-Стоун специально останавливается на вопросе о будущем индейцев. Представляется оно ему в довольно мрачных тонах. Подчеркивая, что промысел пушнины не обеспечивает индейцев даже самым необходимым, автор пишет о важности для них работы по найму, но возможности для этого представляются ему весьма ограниченными — и в смысле наличия работы, и в связи с расовыми предрассудками, которые очень сказываются, как отмечает он, при найме на работу индейцев. По мнению автора, открытие лесопильного завода в Сноудрифте, субсидируемого правительством, могло бы кардинально решить вопрос о занятости индейского населения.

Исследования современных индейских общин Канадской тайги, подобные рецензируемой работе, имеют огромный теоретический интерес. Они развенчивают созданный этнографами американской исторической школы миф о крайнем примитивизме индейцев этого района, как о сохранившихся якобы до наших дней представителях каменного века.

Эти исследования характеризуют современную общину северных атапасков как объединение отдельных семей, свидетельствуя в то же время о том, что сложилась она сравнительно недавно под воздействием капитализма. Тем самым выбивается почва из-под теорий, видевших в этих общинах самую раннюю форму человеческого общежития.

Ю. П. Аверкиева

² J. Helm, Linx Point People: The Dynamics of a Northern Athapaskan Band, «National Museum of Canada, Bulletin 176», Ottawa, 1961, стр. 16.

³ E. Spicer (ed.), Perspectives in American Indian Culture Change, Chicago, 1961.